

ГРАНИЦЫ В РЕАЛИЗАЦИИ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПРОЕКТА «СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ТРУДОВАЯ КОММУНА» В РАННЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД*

О.М. Семерикова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

Аннотация. В статье рассматривается история возникновения и существования сельскохозяйственных трудовых коммун в Советской России в 1917–1920-е гг. на основе метода социального проектирования. Согласно архивным и опубликованным материалам установлено присутствие объективных и субъективных обстоятельств в реальной действительности, не позволившим в полной мере реализовать в деревне идеальные представления о коммуне как о передовом отряде трудящихся на пути к светлому будущему.

Ключевые слова: сельскохозяйственная трудовая коммуна, история Советской России в 1917–1920-е гг., социальный проект, раннесоветское общество.

В результате революции 1917 г. в России произошла «архаизация» в землевладении и землепользовании. Фактически все земли сельскохозяйственного назначения были распределены между крестьянами с преобладанием личного землепользования в рамках общинной организации. Параллельно со второй половины 1917 г. присутствовал процесс появления коллективных хозяйств разных форм (коммуны, артели, ТОЗы). Численность их была невелика, резкий рост произошел во второй половине 1918 г. с начала всемерной поддержки этих коллективов со стороны советского правительства.

Особое место в программе государства и партии большевиков уделялось сельскохозяйственным трудовым коммунаам, которые рассматривались в качестве передовых хозяйств, центров пропаганды социалистического строительства в деревне. По своей форме это было «производственное и потребительское объединение (т.е. товарищество не только по работе, но и по распределению и потреблению)» [1, с. 241], организация которого предполагала не только самообеспечение результатами своего труда, но и производство излишков, передаваемых в пользу государства в качестве «повинностей» [9, л. 13]. Добавим, что о прибыльности предприятия ни в одном варианте примерного устава сельскохозяйственной трудовой коммуны (1918, 1919, 1922) речи не шло,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

к тому же в ранних уставах табуировалось отсутствие внутри коммуны товарно-денежных отношений, а в разъяснениях Народного комиссариата земледелия (далее – НКЗ) в 1918 г. рекомендовалось и за пределами коммуны не выходить за рамки товарообмена [6, с. 144]. Государственного статуса она также не имела, рассматриваясь Народным комиссариатом финансов, как организация «частно-правового характера», хотя и при ее бюджетном финансировании «в широких размерах» в отличие от других форм коллективной собственности (Из доклада члена Президиума Съезда А.А. Биценко 18 февраля 1921 г.) [3, л. 144об.].

Предполагалось, что энтузиазм коммунаров, их трудовые достижения, стремление к культурному и личностному совершенствованию станут примером качественного преобладания коллективных форм хозяйства над единоличными. Действительно, уставы коммун демонстрируют стремление к кардинальному переустройству жизни и постановку цели преобразования сельского хозяйства «на социалистических началах». Утверждалось, что «для достижения этой цели коммуна должна вести непримиримую борьбу с капиталом вплоть до вооруженного отпора всем контрреволюционерам и твердо стоять на страже прав и интересов пролетариата и деревенской бедноты, веря в политическую мощь социалистов как т. Ленин и др.» (Устав сельскохозяйственной производственной коммуны «Новый мир – Луч») [10, оп. 4, д. 117, л. 6].

Отличие коммуны от других видов коллективных хозяйств состояло в максимальной форме обобществления труда и капитала. Данная особенность приближала эту форму коллективного хозяйства к идеальному образу производства будущего, представленного в многочисленных произведениях авторов утопического социализма (Р. Оуэн, Ш. Фурье, Н. Чернышевский) и классиков коммунистической теории (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин). Но если в теории все было перспективно, светло и жизнерадостно, то на практике жизнь существенно скорректировала эти ожидания.

Уже в 1918 г. началась дискуссия о возможности реализации идеи производственной коммуны в сельском хозяйстве среди крестьян. Сомнения были высказаны наиболее «левой», а также прагматичной частью большевистской партии. Так в декабре 1918 г. в газете «Известия» Ю. Ларин писал: «Коммуна не может изменить природу «хозяйчика», их создание – «фракционное, мелкобуржуазное движение». В продолжение обсуждения темы редактор «Известий Наркомпрода» Н.А. Орлов отметил: «Коммуны непригодны для крестьянства и невыгодны для государства, так как в своей деятельности они руководствовались корыстными интересами своих членов и не сдавали государству излишков хлеба. Их требовалось беспрестанно кредитовать, инструктировать, тащить на поводу» [4, с. 67, 68].

Тем не менее, в условиях инициативы народных масс, задач правительства по расширению практики социализации деревни и решению продовольственного вопроса, коммунальное движение в деревне было поддержано властью вплоть до начала 1930-х гг.

В данной статье мы попытаемся установить те объективные и субъективные обстоятельства, которые не смогли преодолеть лидеры и участники сельскохозяйственных трудовых коммун при построении идеального мира. Будет рассмотрен опыт создания и функционирования данных коллективов на основе использования метода социального проектирования [7], последний позволяет проследить степень применимости коммунистических идей к социальной реальности 1917–1920-х гг. в Советской России.

Причины создания сельскохозяйственных трудовых коммун можно разделить на две группы: идеологические и экономические (прагматические). Зачастую на основе архивных и опубликованных источников, сложно идентифицировать, какие из них преобладали при создании коммуны. Тем не менее, в силу того, что инициаторами создания коммун явились в большей степени те, кто имел опосредованную связь с традиционным крестьянством (рабочие, солдаты, беженцы, интеллигенция, крестьяне-отходники и проч.) [6, с. 123, 124], можно утверждать об изначальном превалировании идеологии (на уровне формирования концепта предприятия), предвещающей ориентированность на решение прагматических задач.

Почти сразу с созданием коммун возникли сложности с их существованием. Чаще всего, срок деятельности ограничивался 1–2 хозяйственными годами, далее происходил распад или реорганизация по инициативе местных властей (хотя реально речь шла о создании нового коллектива) [11, с. 310, 311].

К причинам общего порядка, которые фиксировали современники, следует отнести «недостаточную сознательность и компетентность в ведении сельского хозяйства». Под первым подразумевалось, что причины «житейского характера» брали вверх «над коммунальным подъемом духа» [8, с. 33–35; 4, с. 69]. Под вторым – отсутствие достаточного крестьянского опыта и своей земли до создания коммуны. Согласно докладу представителя от коммун семи центральных губерний 19 февраля 1921 г.: «Они (рабочие, сельскохозяйственные батраки – *О.С.*) были не плохие работники, но не умели организовать сельское хозяйство» [3, л. 148].

Заметим, что региональный материал на втором и третьем этапах создания коммун (1920–1921 гг. (основная часть коллективов сосредотачивается в отдаленных от центра регионах), вторая половина 1920-х гг. –

начало 1930-х гг. (регионы создания коммун остаются в основном прежними, возрастает уровень самостоятельности крестьян в организации коммун) несколько корректирует вышеуказанные характеристики. Если на начальном этапе (1917–1919) коммуна в основном формировалась на принципах объединения малых семей, имевших опыт индивидуальной (городской, рабочей, отходнической) трудовой траектории развития. То в последующие периоды большее количество традиционного крестьянства включилось в процесс организации коллективов, привнеся в них трудовую крестьянскую этику, что порождало в том числе и хозяйственную устойчивость коллектива.

Архивные и опубликованные материалы свидетельствуют, что неблагоприятные внешние (неурожай, отсутствие материальной помощи со стороны власти) и внутренние (отсутствие продовольствия, живого и мертвого инвентаря, одежды, обуви) условия, трудности сожительства (наличие и качество жилья, соотношение принципов руководства и равенства, мужского и женского, новаций и традиции) резко снижали энтузиазм коммунаров на пути к светлому будущему.

Создание коммуны предполагало совместный труд и совместное проживание на принципах равенства. В инструкции к уставу фиксировалось: «Каждый член коммуны должен в ней исполнять ту работу, к которой он более способен; должен отдавать все свои силы и способности на служение коммуне, ибо тот, кто не работает – не должен пользоваться благами жизни; от каждого по его силам, каждому по его нужде» [5, с. 4]. На практике возникло много вопросов: от руководства (где принцип равенства не всегда действовал) до борьбы с лентяйством, разгильдяйством и безответственностью. Там, где уровень пролетарской сознательности был высоким (что в большинстве своем зависело от состава коллектива и его активной части), сельскохозяйственная коммуна существовала относительно стабильно. Но были и другие примеры. Некоторые современники, анализируя «Внутренние правила» некоторых коммун отмечали в 1927 г., что «имея правило «никто не имеет права указывать» – нельзя надлежащим образом наладить управление хозяйством в целом и распоряжение рабочей силой. Органы управления коммуной оказываются существующими только на бумаге, на деле же полная неразбериха: никто ничем не руководит, никто ни за что не отвечает». В этой ситуации не всегда работали уставные заповеди: «Все члены коммуны, прежде всего, должны освободиться духовно от всяких традиций и предрассудков, понять мораль и этику коммунизма, ... что преступно и позорно быть эгоистом, ... что возвышает человека только полезный труд» [2, с. 10, 11]

Совместное проживание требовало общего помещения. Если земли коммуна передавались с усадьбой, то этот вопрос решался. Хотя и здесь было много сложностей. Изначально вопрос совместного проживания был связан с качеством жилых построек, переходивших в пользование коммунаров. Имена зачастую уже подверглись расхищению со стороны местного населения и их ресурсы (в том числе и бытовые: дом, обстановка, постройки), не соответствовали задачам коллектива (организовать совместное проживание, общее питание, усовершенствованные методы обработки земли). Из Калужской губернии в 1921 г. указали: «Более ранние коллективы, которые поселились в помещичьих усадьбах, нашли их в совершенно разрушенном состоянии и очень затруднены в ремонте» [3, л. 148]. Кроме того, на основе прошедшего опыта в 1925 г. некоторыми коммунарами констатировалось, что: «Для колхоза помещичья постройка неудобна, она является настоящей погубелью» [12, с. 176].

Там, где дом для совместного проживания нужно было строить, остро вставал вопрос о создании и реализации проекта. Начиная с отсутствия проектной документации, типовых вариантов (что порождало возведение «построек временного характера, поглощающих массу труда и материала»), инженеров-проектировщиков и заканчивая необходимыми материалами (из Калужской губернии 1921 г.: «Гублеском удовлетворяет всего 15% по смете»), денежными средствами (из Новгородской губернии в 1925 г.: «устройство водопровода и кухни», постройка – «в с/х банке и статей таких нет», а кредитное товарищество – «больше 100 рублей мы не выдадим») и строителями («сильно тормозит дело с постройками мобилизация комтрудом плотников и вообще специалистов»). Из Казанской губернии сообщали в 1921 г., что «вопрос постройки везде стоит очень остро», в результате во многих коммунах сохранялось раздельное проживание. Из Челябинской губернии сообщали в феврале 1921 г.: «До сих пор коммунары живут в большинстве случаев по своим хатам. Благодаря этому нет той сплоченности членов, которая была бы при коммунальных постройках» [3, л. 148, 153, 155, 156; 12, с. 74].

Желательное наличие общей столовой вызывало множество трудностей уже на начальной стадии существования коллектива. В стесненных материальных и финансовых ресурсах кухня и столовая либо вовсе не возводились, либо были низкого качества. Из сибирской Новониколаевской губернии в 1925 г. сообщали: «Построили кухню, но она нас не удовлетворяет, так как недостаточно оборудована и питаться в столовой можно только в летнее время. Общественное питание имеется только с начала весны до глубокой осени, а остальное время питается каждый врозь, получая продукты на руки, по мере надобности» [12, с. 50].

К этому добавлялись вопросы повседневного порядка и человеческого фактора. Из Запорожского округа в 1925 г. рассказывали: «Как у нас организовано питание? Тут сложный вопрос. Мы наняли повара. А когда варили наши коммунарки – ничего не получалось. С одной стороны – не экономно, не вкусно, наконец – никто не хотел готовить. Все хотели погулять в день отдыха. Повар должен в течение 6 месяцев подучить нашего человека, который мог бы готовить сам» [12, с. 35].

Эффективное производство нуждается в профессиональном обеспечении агрономами, ветеринарами, бухгалтерами (счетоводами) и др. До революции 1917 г. процесс формирования института земских специалистов, системы дополнительного образования (в том числе сельскохозяйственные и курсы счетоводства), только начал развиваться, в период гражданской войны он фактически был остановлен. Это ограничило возможности коммунаров получить помощь специалистов. Представитель НКЗ в 1921 г. констатировал: «На местах ощущается острая нужда в помощи агрономов, которые, однако, в ней отказывают коллективам». Отсутствие в коммуне счетоводства, бухгалтерского учета, планирования приводило к неизбежному экономическому краху предприятия, особенно если последнее имело крупный характер.

В идее коммунального строительства был заложен и принцип новых свободных гендерных отношений. Из устава: «В коммуне свободный брак по выбору и любви. Нет детей незаконных или законных. Все подчиняются декретам о записи рождающихся и брачующихся» [10, оп. 5, д. 8, л. 89]. На деле это выливалось в явления, порождавшие конфликты и раскол, превращавшие коммуны «в очаг грызни и склоки»: «например, есть случаи, когда члены коммуны – члены РКП(б) по три раза женились и разводились, причем старые жены с детьми из коммуны исключались, а новые, также с детьми – зачислялись» [13, оп. 2, д. 148, л. 68 об., 69]. Хотя, стоит отметить, что в некоторых коммунах с этими тенденциями боролись, через утверждение внутренних правил «вплоть до строгого преследования за «половую беспорядочность» [2, с. 10].

Особое отношение в рамках коммунального строительства отводилось формированию нового человека. Наиболее эффективно, по словам самих же коммунаров, это можно было сделать в процессе воспитания и образования подрастающего поколения. В уставах можно встретить: «Коммуна главное внимание обращает на создание наиболее рациональных условий жизни для своих детей, и на первый план выдвигает необходимость представления им полной возможности всестороннего развития и образования... Примечание: В городах, где обучаются дети, на общекоммунальные средства содержатся пансионаты» (Устав трудовой земледельческой сельскохозяйственной I Богоявленской коммуны

2 Богоявленского общества Успенской волости Тимского уезда Курской губернии 1919 г.) [10, оп. 4, д. 117, л. 301об.]. В утвержденном I съезде коммун Козловского уезда Тамбовской губернии «Внутреннем уставе коммуны» 20 декабря 1918 г. постулировалось равенство возможностей для молодого поколения: «В коммуне нет отцов и матерей – все дети – это дети коммуны. Дети одинаково питаются, обмундировываются и воспитываются». Создавались школы при коммунах. Например, в Пензенской губернии в 1921 г. насчитывалось 12 коммунальных школ [10, оп. 5, д. 8, л. 89, 157]. Но зачастую стремление обеспечить наилучшие условия для детей заканчивалось в 1917–1921 гг. тем, что «новородившихся детей не во что одеть» (сведения из доклада по Уралу 20 февраля 1921 г.) [3, л. 148] и констатацией краха иллюзий: «Вышли у нас все продукты питания, я лично не стал бы просить, а умер без ропота. Но жаль детей, первых детей социализма, которые как никто скоро его воспринимают. Мы голодаем, и только получаем из местного комбеда муку и больше ничего, нет картофеля, соли, керосина, спичек» (письмо председателя коммуны Калужской губернии 27 ноября 1918 г.) [10, оп. 4, д. 23, л. 5об.].

Таким образом, рассмотрев и сравнив в общих чертах теоретические положения и некоторые жизненные обстоятельства, с которыми сталкивались коммунары, мы констатируем отсутствие в массе своей необходимых возможностей для их преодоления по объективным и субъективным причинам. Тем самым необходимо говорить о наличии естественных границ в реализации идеи сельскохозяйственной трудовой коммуны в раннесоветский период, где наиболее сложными были 1917–1921 гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бухарин Н.И. Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков. Пг., 1920. 322 с.
2. Васильев П.Г. Вопросы труда и организации капиталов в сельскохозяйственных коммунах (опыт с.-х. коммун Сибири). Новосибирск: Книгосоюз, 1928. 66 с.
3. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 8. Л. 138–172об.
4. Гришаев В.В. История сельскохозяйственных коммун: итоги изучения, проблемы. Красноярск: Красноярский ун-т, 1986. 135 с.
5. Инструкция к составлению устава сельскохозяйственных коммун и декрет об организации и снабжении деревенской бедноты. Петроград: Изд-е Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов, 1918. 10 с.
6. К истории возникновения сельскохозяйственных коммун и артелей в СССР (1918 г.) / Т. Зеленова // Красный архив. 1940. № 4 (101). С. 122–148.
7. Мазур Л.Н. Раннесоветское общество как социальный проект: методологические подходы к изучению истории России в 1917–1936 годах // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практики. Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2016. С. 7–28.
8. Миллицин Н.А. Земледельческие артели и коммуны // Сельскохозяйственные коммуны. Воронеж, 1918. № 5–6. С. 33–35.

9. Примерный устав сельскохозяйственной коммуны. М.: Изд-во «Новая деревня», 1922. 11 с.

10. РГАЭ. Ф. 478.

11. *Семерикова О.М.* Сельскохозяйственные трудовые коммуны в уральской деревне (1918–1925 гг.) // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2017. С. 300–312.

12. Труды Первого Всесоюзного совещания сельскохозяйственных коллективов (коммун, артелей и товариществ по общественной обработке земли) 26 февраля–6 марта 1925. М., 1925. 402 с.

13. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4.

УДК 008

КРЕСТЬЯНСТВО И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

А.С. Тимощук

Владимирский государственный университет (г. Владимир)

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопроса о соотношении модернизации и аграрного потенциала России, который становился на протяжении всей истории государства ресурсом для нового экономического рывка. Автор исходит из позиции, что в условиях роста цен на воспроизводимые ресурсы, зерно, как базовая материальная ценность человечества, поможет экономике России на новом этапе.

Ключевые слова: революция, эволюция, модернизация, демография, крестьянство.

Русская революция 1917 г. – событие положившее начало новому государству, новому обществу и новому мировому порядку. Это была попытка построить общество социальной справедливости, равенства и братства, причём в глобальном масштабе. Социальный инжиниринг происходил на фоне колоссальных социальных задач по модернизации, в ходе которых было нарушено крестьянское хозяйство, его социально-экономические и демографические основы.

Революция – это быстрый насильственный способ передела собственности. Действительно, ведь долго не могло продолжаться, что 90% населения не владеет ничем, кроме рабочих рук, а остальные 10% владеют всем богатством. Подобно тому, как Пугачёв жёг ненавистные бумаги, документы, закладные, что символизировало свободу от права собственности на крепостных, революция 1917 г. уничтожала права всех владельцев дореволюционной собственности.

Не следует представлять репрессии большевиков как психологические упоение насилием и патологией, как это порой делается в либеральной литературе. Известна оценка Бердяева, по которой Ленин проповедовал